Раздел 1
АФГАНИСТАН, ГОД 1980: СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА Б. КАРМАЛЯ

«…всякого Венценосца избранного судят с большею строгостью, нежели Венценосца наследственного».
Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. третья Т. XII. – М.: Книга, 1980. – С. 1.
«История злопамятнее народа!»
Там же. Т. IX. – С. 280

Бабрак Кармаль

Родился 6 января 1929 года в Камари (близ Кабула). Он был вторым ребенком из пяти детей (четыре сына и одна дочь) в семье генерал-полковника Мухаммада Хусейн-хана. Его отец, пуштун из племени моллахейль, занимал высокие армейские посты, в том числе командовал дивизией и корпусом и являлся генерал-губернатором провинции Пактия (уволен в отставку в 1965 году). Мать Бабрака, таджичка по национальности, умерла, когда он был еще маленьким. Воспитывался второй женой отца (она приходилась сестрой его первой жене). От второго брака у М. Хусейн-хана было еще двое детей. Представляется вполне естественным, что в семье, где хозяйкой дома была таджичка, больше говорили на дари, чем на пушту. В связи с частыми переездами отца Бабрак длительное время проживал в смешанной таджико-пуштунской семье врача Керамуддина Какара (впоследствии личного хирурга короля).

Будучи заключенным королевской тюрьмы (1952–1956 гг.), Бабрак выбрал себе прозвище (фамилию) «Кармаль» (в переводе с пушту – «друг труда»). Не могут не вызывать в связи с этим по меньшей мере улыбку суждения иного рода, встречающиеся в трудах некоторых западных авторов (А. Арнольд, Г.С. Бредшер и др.), которые в воинственном антикоммунистическом азарте пытались непременно найти даже в имени этого политического деятеля признаки его принадлежности к «красным». Так, по их мнению, «Кармаль» – это-де аббревиатура от слов «Карл Маркс, Ленин» или же фонетическое переложение на языке дари слова «Кремль». Все это не соответствует истине и есть не что иное, как вариант известного сказа про «развесистые сучья столетней клюквы».

Среднее образование он получил в престижном столичном лицее «Неджат» (впоследствии он назывался «Амани»), где обучение велось на немецком языке и преподавали немецкие учителя. Атмосфера лицея, основанного в 20-х годах XX в. монархом–реформатором Аманулой-ханом, была традиционно пропитана духом вольнодумства и радикализма, идеями модернизации застойного афганского общества и государственного строя в соответствии с веяниями времени. Уже на школьной скамье Бабрак знакомится с либеральными идеями и взглядами и проявляет черты признанного молодежного лидера. Окончание им лицея в 1948 году совпало с расширением в стране демократического движения. Бабрак оказался в его рядах. С момента создания в апреле 1950 года Союза студентов Кабульского университета он становится одним из активных его членов, хотя в это время он еще не был студентом университета. В 1950 году он пытается поступить на юридический факультет данного столичного вуза. Однако ему отказывают в этом из-за участия в молодежном демократическом движении и прежде всего как одному из основателей и руководителей Союза студентов. На следующий год он все же добивается зачисления в студенты юридического факультета. Уже в эти годы ярко проявились его выдающиеся ораторские способности. Он принимает активное участие в студенческих митингах, собраниях и дискуссиях, тесно сотрудничает с оппозиционной группировкой и газетой «Ватан» («Родина»), которыми руководил известный афганский историк и общественный деятель М.Г.М. Губар.

В 1952 году в ходе расправ над оппозиционерами-интеллектуалами, требовавшими демократизации общественно-политической жизни страны, Бабрак был арестован и при-

говорен к четырем годам тюремного заключения. В тюремных застенках он познакомился с известным в столице представителем бунтарской, антимонархической интеллигенции, бывшим офицером полиции Мир Акбаром Хайбаром. Беседы с ним явились важным звеном на пути постижения Б. Кармалем марксистского учения. С выходом из тюрьмы под залог в 1956 году он некоторое время работал переводчиком английского и немецкого языков. В следующем году в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности был призван на действительную военную службу. После ее окончания в 1959 году продолжил учебу в Кабульском университете. В I960 году он успешно завершил университетское образование и получил диплом юриста. В 1960–1964 годах работал сначала в бюро переводов министерства просвещения, а затем – в министерстве планирования. В указанные годы окончательно формируются его левые взгляды. По некоторым данным, уже в I960 году он вместе с М.А. Хайбаром организовали первый подпольный марксистский кружок, в который входили демократически настроенные представители столичной интеллигенции, в основном из числа разночинной молодежи.

С момента принятия конституции 1964 года и декларирования в ней права афганских граждан на создание политических партий и организаций начинается период бурной общественно-политической деятельности Б. Кармаля. Вместе с Н.М. Тараки и некоторыми другими лицами он явился одним из создателей Народно-демократической партии Афганистана. На ее 1 Учредительном съезде, состоявшемся 1 января 1965 года, он избирается заместителем секретаря ЦК партии. Ему было поручено съездом возглавить комиссию по разработке программы и устава НДПА. В следующем году подготовленная под его руководством программа партии была принята на пленуме ЦК и опубликована в первом (сдвоенном) номере газеты «Хальк». Весной 1967 года состоялось утверждение и устава НДПА. Б. Кармаль опубликовал в газете «Хальк» ряд статей, в которых обосновал необходимость создания в Афганистане легальной политической организации и раскрыл цели и задачи леводемократического движения.

Кабул, 1969 г. Первомайская демонстрация левой оппозиции.
В первом ряду (слева направо): М.А. Хайбар, А. Ратебзад,
Б. Кармаль, С.А. Кештманд

С мая 1967 года, после раскола НДПА на две группировки, Б. Кармаль возглавил организацию, назвавшую себя «Народно-демократической партией Афганистана (партией трудящихся Афганистана)». Впоследствии его организация стала больше известна под названием «Парчам».

В 1965 и 1969 годах Б. Кармаль дважды избирался от г. Кабула депутатом нижней

палаты парламента – Вулуси джирги. Его страстные выступления с парламентской трибуны по вопросам внутренней и внешней политики страны снискали ему широкую известность в афганском обществе – симпатии и уважение одних, ненависть и злобу – других. Его популярность среди прогрессивной афганской общественности еще больше возросла с началом издания газеты «Парчам» («Знамя»), которая почти в каждом номере помещала его политически острые, общественно значимые статьи и заметки.

В годы «демократического эксперимента» (1963–1973 гг.), проводившегося сверху монархическим режимом, группировка Парчам во главе с Б. Кармалем сумела в условиях строжайшей конспирации создать среди армейского офицерства довольно разветвленную, прежде всего в столичном гарнизоне, подпольную организацию. Именно она, отдав поддержку М. Дауду, обеспечила почти бескровный государственный переворот 1973 года и провозглашение в стране республиканского строя. Б. Кармаль не занял никаких постов в администрации М. Дауда. Однако по просьбе последнего принял активное участие в разработке программных документов республиканского правительства и подборе кандидатов на ответственные государственные посты в центре и на местах из числа, главным образом, лиц, придерживавшихся левых взглядов. Такой «союз» Дауда с Кармалем, как и следовало ожидать, уже в конце 1973 года был расторгнут. За Б. Кармалем была установлена негласная слежка, а с марта 1974 года его сторонники стали изгоняться с государственной службы.

Летом 1977 года, когда обе фракции НДПА – Хальк и Парчам – оказались перед угрозой физической расправы, состоялась их объединительная конференция. На ней Б. Кармаль был избран одним из трех секретарей ЦК партии. В условиях подполья, по его собственному признанию, он выступал против использования насилия в борьбе с даудовским режимом, на чем настаивали халькисты.

Ночью 26 апреля 1978 года Б. Кармалъ вместе с другими руководителями НДПА был арестован даудовской полицией, но спустя 40 часов освобожден восставшими офицерами. Когда успех восстания стал очевидным, он, вопреки требованиям халькистских лидеров – Тараки и Амина, настаивал на сохранении жизни М. Дауду и членам его семьи.

После прихода к власти НДПА Б. Кармаль вошел в высшие государственные органы страны, заняв посты заместителя председателя Революционного совета ДРА и заместителя премьер-министра. Через два месяца (5 июля 1978 г.) в связи с обострившимися халько–парчамистскими противоречиями был выведен из состава правительства и назначен послом в Чехословакию. Но уже в августе был смещен с этого поста. 27 ноября по решению пленума ЦК НДПА он вместе с Нур Ахмад Нуром, С.А. Кештмандом, А. Ратебзад, М. Барьялаем, Абдул Вакилем, Наджибом, А. Кадыром и М. Рафи были исключены из рядов партии по обвинению «в активном участии в преступном контрреволюционном, антигосударственном и антипартийном заговоре». До декабря 1979 года находился в Чехословакии на положении политического эмигранта. Все это время он собирал вокруг себя антиаминовские силы, особенно те, которые находились внутри страны, и готовил их к выступлению.

В начале второй декады декабря 1979 года Б. Кармаль тайно был доставлен сотрудниками КГБ СССР на афганский военный аэродром Баграм, однако уже 14 декабря, по неизвестным пока причинам, его срочно вывезли самолетом обратно в Ташкент. Ночью 23 декабря Кармаль снова был привезен в Баграм, где в капонирах, вырытых на краю аэродрома, окруженный бдительной охраной из небезызвестной группы «Альфа», вместе с рядом своих ближайших соратников находился до вечера 27 декабря. Здесь же состоялось заседание еще не известного миру нового состава политбюро ЦК НДПА (правда, в узком составе) по обсуждению плана предстоящих действий. Рано утром 28 декабря, когда Х. Амин был уже мертв и путь к власти силами советских спецслужб был расчищен, ведомая советскими экипажами колонна танков и бронетранспортеров, в одном из которых ехал Б. Кармаль, доставила его в Кабул, в гарнизон одной из воинских частей афганской армии.

С указанного времени и до начала мая 1986 года он являлся генеральным секретарем

ЦК НДПА и председателем Революционного совета ДРА (до июня 1981 года был одновременно и главой правительства – премьер-министром). На его плечи, если иметь в виду бушевавшую в Афганистане гражданскую войну и расширявшееся день ото дня внешнее вмешательство во внутриафганские дела, легла огромная ответственность за судьбы страны и народа.

Кабул, июль 1977 г. Лидеры НДПА после объединительной конференции.
Слева направо (в первом ряду): А. Ратебзад, М.А. Хайбар, Н.М. Тараки, Б. Кармаль.

К сожалению, он, хорошо знавший специфику своей страны и имевший солидный запас авторитета среди широкой афганской общественности, получил крайне ограниченные возможности как вырабатывать собственную, отвечающую реалиям дня политику, так и направлять ход событий в нужное русло. Окруженный сонмищем некомпетентных в афганских делах советских советников, он оказался на положении политического заложника Москвы. Впоследствии он с горечью признал в беседе с одним из советских журналистов: «Я не являлся руководителем суверенного государства. Это было оккупированное государство, где реально правили вы ... Я шагу не мог ступить без ваших советников».

Однако надо со всей категоричностью отметить, что Б. Кармаль не был безропотным, слепым исполнителем воли Кремля. Мне, работавшему в те годы в высших партийных сферах Кабула, не раз приходилось слышать его сетования по поводу непонимания «советскими товарищами» специфики Афганистана и их открытого диктата. Такое стремление иметь собственное мнение, несговорчивость и прецеденты игнорирования им «советов» (читай – приказов. – М.С.), ниспосланных Кремлем и исходивших из уст аккредитованных в афганской столице высокопоставленных советских особ, типа грубого по

своей натуре, маловоспитанного совпосла Ф.А. Табеева, руководителя оперативной группы Генерального штаба генерала армии В.И. Варенникова, резидентов КГБ и пр., вызывали у последних неприкрытое раздражение и неприязнь к Б. Кармалю. Они постарались создать в высших эшелонах советского партийно-государственного руководства негативный образ Б. Кармаля, как пьяницы, иждивенца, пытающегося–де взвалить решение всех проблем афганского кризиса на советскую сторону и отсидеться под прикрытием советских войск, как человека, нерешительного по характеру, и более того, на последнем этапе, неспособного-де реализовать выработанную в Москве политику национального примирения. Кроме того, Б. Кармаль для многих, прежде всего силовых, советских ведомств, втянутых в афганскую трагедию, представлялся удобным «козлом отпущения», чтобы списать на него все свои просчеты, огрехи, ошибки и явные провалы. К дискредитации Б. Кармаля, как человека и политического деятеля, приложили свою руку и его оппоненты из крыла Хальк, и недоброжелатели из его собственного окружения. В конце концов судьба Б. Кармаля была окончательно решена в Москве, за его спиной, за спиной руководства НДПА и ДРА. В феврале 1986 года, в дни работы XXVII съезда КПСС, М.С. Горбачев неприкрыто продемонстрировал свою неприязнь к Б. Кармалю и одновременно покровительство и подчеркнутую любезность к члену афганской партийной делегации, креатуре КГБ Наджибулле, заранее дав этим понять, на кого в Кабуле ставит Кремль. 30 марта Б. Кармаль был доставлен специально посланным за ним самолетом в Москву, где ему в учтиво-повелительной форме предложили «во имя высших интересов страны» добровольно уйти в отставку и передать полномочия Наджибулле.

4 мая состоялся 18-й пленум ЦК НДПА, который придал задуманной в Москве смене высшего партийного руководства видимость некоего самостоятельного, сугубо внутриафганского решения. Б. Кармаль был освобожден «по состоянию здоровья» (?!) от обязанностей генерального секретаря ЦК партии при сохранении за ним членства в политбюро ЦК. Однако такое положение, при котором бывший учитель и лидер партии оставался за одним столом с новым партийным вождем, никак не могло устроить стремившегося к самостоятельности Наджибуллу. Его настроение полностью разделяло советское руководство. В итоге Б. Кармаля вынудили подать «прошение» об освобождении от всех партийных и государственных постов. Состоявшийся 20 ноября 1986 года 20–й пленум ЦК НДПА принял его отставку в связи, как подчеркивалось в речи Наджибуллы, с его (Б. Кармаля) «неудовлетворительным состоянием здоровья», подорванном-де «тяжелым бременем ответственности» (следует заметить, что в письме Б. Кармаля, адресованном по этому поводу ЦК НДПА и Революционному совету ДРА, ни слова не было сказано о состоянии здоровья и его неспособности нести бремя ответственности. – М.С.). Б. Кармаль был выведен из состава политбюро ЦК и освобожден от обязанностей председателя президиума Революционного совета и председателя Ревсовета ДРА, однако оставлен членом ЦК партии и членом Ревсовета ДРА. За выдающиеся заслуги перед партией и революцией он был награжден орденом «Апрельской революции» и ему, по предложению Совета министров ДРА, была назначена персональная пенсия. В начале мая 1987 года он вместе с семьей был отправлен в Москву в почетную ссылку или, как официально говорилось в афганской прессе, «по совету врачей и по приглашению на лечение и отдых».

Во все нелегкие периоды своей политической деятельности Б. Кармаль убежденно верил в правоту избранного им пути, целью которого являлось преобразование афганского общества на демократических началах, и, как представляется, был искренен в симпатиях к Советскому Союзу не только в пору своей романтической молодости, но и позже, когда, оказавшись на кабульском олимпе, он испытывал на себе всю бесцеремонность и неприкрытый диктат «советских друзей». Весьма показательно, что одному из своих сыновей он дал имя Восток, по названию запущенного в 60-е годы советского космического корабля. Обращаясь к социализму, он видел в нем альтернативу жестокому, бездуховному, антигуманному капиталистическому общественному устройству.

Вместе с тем, будучи убежденным демократом и разделяя идеи марксизма, он решительно выступал против немедленной социализации Афганистана, считая, что эта страна совершенно не созрела и не готова для подобного рода волюнтаристских экспериментов.

Б. Кармаль не был пьяницей, хотя такой ярлык, надо признать, на него упорно пытались навесить именно те находившиеся в Кабуле советские влиятельные деятели, прежде всего совпосол Ф.А. Табеев, которые, следует ради истины подчеркнуть, сами являясь закоренелыми поклонниками Бахуса, считали чрезмерное возлияние при любой встрече с афганскими должностными лицами непреложной нормой, эдаким шиком гостеприимства.

Б. Кармаль не был и жестоким человеком. Ведя борьбу со своими противниками, он, как глава государства, не опускался до массового террора, до слепой мстительности, что, впрочем, расценивалось в кругах его внутрипартийных неблагожелателей как слабость характера, нерешительность и даже как трусость. Он был широко образованным, эрудированным человеком, свободно владевшим, кроме дари и пушту, немецким и английским языками. Имел двух сыновей и двух дочерей. Жена (с 1956 г.) – Махбуба Кармаль.

В июне 1990 года на II съезде партии был заочно избран членом Центрального совета Партии Отечества. Преданный горбачевской и ельцинской камарильей он возвратился 19 июня 1991 года в Кабул. Не занимая никаких партийных и государственных постов, проживал в афганской столице до прихода к власти моджахедов в апреле 1992 г.

После падения Кабула вместе с семьей перебрался в Мазари-Шариф, центр обширного афганского Севера, который в то время контролировался его старым приверженцем, генералом А.Р. Дустомом, а затем в Москву. Умер 1 декабря 1996 г. в 1-й Градской больнице (г. Москва). Похоронен в Мазари-Шарифе. Некоторые члены его семьи проживают в эмиграции в Индии.*

***Примечания**: Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – 1980. – № 2. – С. 195–196; Гай Д., Снегирев В. Вторжение: Опыт журналистского расследования // Знамя. – Март 1991. –№ 3. – С. 195–233; Апрель 1991. – № 4. – С. 230–233; Труд. – 1991, 24 октября; Комсомольская правда. – 1993, 27 января; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1980, 1 января; Пейам. – 1990, 30 июня; Ды Афганестан каланый, – Кабул, 1357 (1979). – С. 3. – На языке дари; Kabul New Times. – 1980, May 5, November 22; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan: A first–hand account. – London: Verso, 1988. – P. 27–28, 40, 48–58, 71, 119–123; Arnold A. Afghanistan's Two–Party Communism: Parcham and Khalq. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 1983. – P. 19–22, 68; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd, 1984. – P. 93–110; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham: Duke University Press, 1986. – P. 39–40; Afghanistan: Yesterday and Today. – Prague: Orbis Press Agency, 1982. – P. 30–31.

Приход к власти, внутренняя и внешняя политика нового афганского руководства

Еще до непосредственного ввода советских войск в Афганистан, когда выбор кремлевских вождей пал на Б. Кармаля и его окружение, будущее афганское партийное и государственное руководство уже было поставлено в зависимое от Москвы положение. Оно лишилось какой–либо возможности самостоятельно управлять страной. Ему было оставлено лишь «право» озвучивать своими устами исходившие из Кремля установки и поступать в соответствии с его неприкрытым диктатом. К каждому сколько-нибудь значимому афганскому партийному и государственному служащему были приставлены советские советники по различным сферам деятельности. Подавляющее большинство из них, пренебрегая статусом «советника» и руководствуясь исключительно соображениями т.н. «революционной целесообразности», начали активно вмешиваться в непосредст-